

УДК 811.111-26

MERCY / CRUELTY В ЦЕННОСТНО-МЕРНОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Казанцева (Куликова) Людмила Викторовна

канд. филол. наук

Колледж педагогического образования, информатики и права, Абакан

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В данной статье представлен анализ лингвистических феноменов Mercy / Cruelty, которые актуализируются в ценностно-мерной английской языковой картине как «ценность» / «антиценность». В английском языке они репрезентируются как семантически сопряженные константы внутреннего мира человека. В результате их сближения между ними наблюдаются отношения лабильной представленности.

Ключевые слова: языковая картина мира; ценность; милосердие; жестокость.

MERCY / CRUELTY IN THE ENGLISH LINGUISTIC WORLD PICTURE

Kazantseva (Kulikova) Lyudmila Victorovna

candidate of philology

College of Pedagogical Education, Information Science and Law, Abakan

Abstract. The article attempts to analyze the linguistic phenomena Mercy / Cruelty as value / anti-value in the English linguistic world picture. In the English language they are represented as semantic binary constantas of the human inner world. As a result of it the relations between Mercy / Cruelty are changed from autonomous to interrelated.

Key words: linguistic world picture; value; mercy; cruelty.

Устремленность современной лингвистики в русло аксиологически ориентированной семантики [1] обусловила необходимость обозначить проблему ценностной или ценностно мерной картины мира [2], которую составляют общечеловеческие ценности отдельного общества. Они образуют основание и «оплот» семиосферы любого культурного общества и языка [3, с. 128]. В силу закона ассиметрии [2, с. 77] наряду с ценностью культивируется антиценность [4; 5]. Актуализация ценностей / антиценностей протекает в семиотическом пространстве, конституирующемся из семантически сопряженных смыслов оппозитивной природы, в их числе и константы Mercy / Cruelty.

Человек – центр мироздания, и ему свойственно оценивать окружающий его мир и самого себя [3, с. 130]. В оценке отражается реальная жизненная ситуация, «получающая свою характеристику через призму ценностного отношения как фактор притяжения человека к миру ценностно значимых объектов или отталкивания от них в зависимости от их ценности для человека» [2, с. 79].

Оценочное восприятие констант Mercy / Cruelty англоговорящим субъектом рефлексировывает особую область бытия, где их аксиологический статус маркирован антиномией «ценность» / «антиценность»:

(1) Each religion values specific virtues based on an image of ideal character development. ... the world religions share and Innv always shared a common core of values, such as compassion, mercy ... [6];

(2) Her insistence that cruelty is the worst of the vices, and that fear and the fear of fear that cruelty inspires (especially when state sponsored and inflicted) are the most debilitating and destructive of human experiences is more pointed ... [6].

В дискурсе (1) Mercy – одна из наивысших ценностей, которую необходимо иметь в «себе» и разделить с «другим» (*shared a common core of values.. mercy*). В примере (2) актуализируется ценностный смысл константы Cruelty: она – порок (*cruelty is the worst of the vices*), внушающий

страх (*fear and the fear of fear that cruelty inspires*) и приводящий к «ослаблению», «разрушению» личности (*debilitating and destructive of human experiences*).

Mercy / Cruelty – экзистенциально значимые составляющие универсума, локализованные в каждом человеке, о чем свидетельствуют следующий фрагмент дискурса: *Cruelty, evil, perversion – it lies in all of us, waiting for opportunity to become dominant. "I'm glad normality's dominant in me, right now." "May I not say, madame, that I'm awfully glad you're normal, too"* [6].

Человек осознает неизменные человеческие ценности тогда, когда он понимает их истинный смысл и значимость для социального бытия, для себя и Другого [3, с. 14]. Константа Mercy оценивается говорящим субъектом как нечто необходимое и важное, которое создает, наряду со справедливостью (Justice) и правдой (Truth), основу всего общества, лишая его сомнений и неуверенности (*the world is sick, the disease is skepticism, what mankind desperately needs is... Mercy*): *The world is sick and the disease is skepticism. <...> Refining his diagnosis, Professor Trueblood, a Quaker, declares of most current church practice: «What mankind desperately needs is Justice, Mercy and Truth»* [8].

В мышлении человека антиценности становятся социально релевантными [3]. Рассмотрим в качестве иллюстративного материала фрагмент из дискурса: *Though cruelty is considered among the worst moral vices, there are nonetheless times when even cruelty – the opposite of compassion – is necessary. As a midrash puts it, «A person who is merciful when cruelty is needed will end up becoming cruel when mercy is needed»* [6].

В приведенном фрагменте дискурса эксплицируется локализация константы Cruelty: она обладает двойственной экзистенциальностью: с одной стороны, как порок человечества, зло (*cruelty is considered among the worst moral vices*), с другой стороны, как его необходимый атрибут (*cruelty ... is necessary*). В результате происходит ее сильное сближение

с константой Mercy, и наблюдается переход от их автономных отношений к отношениям лабильной представленности [2].

Анализ дискурса позволяет выявить частнооценочные значения, выражающие оценочные суждения о константах Mercy / Cruelty:

- сенсорная оценка: *Mercy. Sweet, sweet mercy ...* [6]; ... *and exhibited an even more delicious cruelty than he did back in Los Angeles* [7].

В данных фрагментах дискурса оценочное восприятие Mercy / Cruelty обусловлено личностной пристрастностью субъектов, их интенцией получить удовольствие: одного – от милосердия (*sweet, sweet mercy*); другого – жестокости (*delicious cruelty*);

- медицинская оценка: *While you are waiting, let tenderhearted mercy always be your companion.* [8]; *He was pre-eminent among the French officers in Canada, for treacherous and cold hearted cruelty, and as the historical records of that period show, the chief agent in scenes of bloodshed even more dreadful than any I have attempted to describe* [6].

Морально-нравственные характеристики субъекта раскрываются через взаимосвязь милосердия / жестокости с внутренним человеческим органом: милосердный человек обладает мягким, чувственным сердцем (*tenderhearted mercy*); жестокий – холодным, лишенным «высоких» чувств (*cold hearted cruelty*);

- этическая оценка: *I always said, Miss Hope, it was a pure mercy you chose the right way, for you always had yours* [6]; ... *but more than ever he feared Hoffritz's manipulative abilities, his vicious cruelty, and his dark genius, and more than ever he realized the need to arrive at a timely solution in this case* [7].

Этическая оценка констант Mercy / Cruelty номинируется знаками *pure / vicious*, составляющими их семиотическую сущность. Милосердие – чистое, непорочное (*a pure mercy*), поэтому его выбор оценивается как правильный (*you chose the right way*). Жестокость – порочное, греховное

(*vicious cruelty*), его остерегаются и боятся (*he feared ... his vicious cruelty*);

- телеологическая оценка: <...> *which celestial mercy has provided in the Gospel where indulgence can not be construed into excess, where not a brutal appetite, but a mental and spiritual taste, is amply supplied* [6]; *the inmates <...> were slain by their brutal violators with every circumstance of most demoniac cruelty* [6].

Языковые знаки *celestial mercy*, *demonic cruelty* с телеологической оценкой демонстрируют: милосердие исходит от Бога, формирующего духовно-нравственное общество (*but a mental and spiritual taste*); жестокость – от дьявола, сулящего гибель людям (*the inmates... were slain by their brutal violators with every circumstance of most demoniac cruelty*);

- эстетическая оценка: *That leaves Mary Martin, which is a magnificent mercy for the more than 100 theater parties that are already committed to go to this threnody* [9]; *But I was struck by how, even in the midst of the ugly cruelty Absalom was unleashing on his father ...* [10].

Эти микротексты рефлексиируют оценочную характеристику исследуемых феноменов: Mercy – великолепное, прекрасное (*a magnificent mercy*); Cruelty – ужасающая, пугающая (*ugly cruelty*).

Внутренний чувственный мир человека – это мир рациональной и эмоциональной природы, на котором зиждется оценка объектов со знаком «+» и «–» [2, с. 93]. В английском языковом сознании константа Mercy маркирована знаком «+». Она концептуализируется носителями английского языка как:

- безграничное (*unbounded mercy*):

There are always too many, Master, who will harp readily to no other verse than God's vengeance. And yet these are the same who stood before the great cathedral and witnessed proof of His unbounded mercy! [6];

- сокровенное (*innermost mercy*):

Give us, my Lord, a sweet inner desire from a pure heart for the living food of your Holy Body and a loving thirst to receive you in accord with your innermost mercy; and undertake in us with sweetness a merciful work with full grace <...> [11];

- доброе, великодушное (*gracious mercy*):

The hand of calamity has pressed sorely upon me. I do not repine at it; on the contrary, I return thanks for the (apparent) evil as well as good, which He who knows what is good for me, has appointed for my portion in this life. May it have the effect of drawing me close unto Him, without whose gracious mercy I feel that I am a lost, undone creature [6].

Константа Cruelty детерминируется оценкой со знаком «–». В английском языковом сознании она:

- бесполезная (*useless cruelty*):

<...> in case of his conviction, congress, which has the power to declare the punishment, has imposed that of death. But the forfeiture of life is not, with us, aggravated by refined and useless cruelty [6];

- заслуживающая осуждения (*damnable cruelty*):

Is it not shocking! Oxford; I would rather that my wife should die in my arms, and that my child should die at her bosom, while I had life enough to see it! I should know then that they were translated beyond this damnable cruelty and temptation: no more – I can not write any more – no widow of mine shall be resold, no treasury rifled [6];

- постыдная (*ignominious cruelty*):

The savage Rednape, <...> had seized him by his right ear, with his knife brandished above him, when the victim, appalled by this ignominious cruelty, uttered a yell of horror <...> [6].

Так, в английском языковом сознании константы Mercy / Cruelty интерпретируются как «ценность» / «антиценность», маркированы знаками «+» / «–» и взаимосвязаны между собой.

Список использованных источников

1. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
2. Малинович Ю.М. Иерархия ценностей внешнего мира и внутреннего мира человека // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / ред. Л.Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. С. 78-98.
3. Малинович М.В. Ценностные смыслы в семантическом пространстве причинности // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / ред. Л.Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. С. 218-144.
4. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
5. Серебренникова Е.Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / под ред. Л.Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. С. 7-48.
6. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL:<http://www.corpus.byu.edu> (дата обращения: 15.12.2011).
7. Koontz, D. Demon Seed [Электронный ресурс]. URL:<http://www.gutenberg.org> (дата обращения: 16.06.2008).
8. Journals of the Heart [Электронный ресурс]. URL:<http://www.journalsoftheheart.com> (дата обращения: 14.12.2013).
9. Magazine Corpus [Электронный ресурс]. URL:<http://www.corpus.byu.edu> (дата обращения: 10.01.2012).
10. Ben Sternke [Электронный ресурс]. URL:<http://www.bensternke.com> (дата обращения: 7.02.2013).
11. Guardian [Электронный ресурс]. URL:<http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 17.04.2011).